

Дмитрий
Быков

Автор-составитель

Дмитрий
Быков

Школа ЖИЗНИ

честная книга:

любовь — друзья —
учителя — жесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(4Рос=Рус)6
Ш67

Оформление переплёта — Аида Сидоренко

*Издательство выражает благодарность всем авторам,
чьи фотографии из личного архива были использованы
при подготовке этой книги.*

*На переплете использована фотография
Михаила Вылегжанина.*

Школа жизни. Честная книга: любовь – друзья – учителя – жечь. / Сост. и вступ. ст. Дмитрий Быков. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 507, [5] с. – (Народная книга).

ISBN 978-5-17-091164-6

Мы все — бывшие дети, и многого о себе не договорили, не поняли. Попытка реконструкции школьных времен довольно мучительна, но эти времена есть за что благодарить. Цель этой книги — составить хронику ушедших детских, школьных лет: кроме нас, это сделать некому. Сборник воспоминаний о послевоенных школьниках, составленный Улицкой, стал бестселлером, но коллизии детства и отрочества шестидесятых–девяностых оказались ничуть не менее драматичны и трогательны. Лучший способ разобраться в себе нынешних — вспомнить себя тогдашних.

«Школа жизни» — новый проект серии «Народная книга». Откройте ее — и станет понятно, почему наша генерация почти все сдала и все-таки удержалась на краю пропасти.

Дмитрий Быков

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-091164-6

© ООО «Издательство АСТ»

Дмитрий Быков

ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

В начале семидесятых Борис Слуцкий писал:

Самые интеллигентные люди в стране —
Девятиклассники, десятиклассники.
Ими только что прочитаны классики
И еще не забыты вполне.

Одной из главных тем в советском искусстве шестидесятых-восьмидесятых была школьная. «Ночь после выпуска» и «Шестьдесят свечей» Тендрякова, «Ключ без права передачи» Динары Асановой, «Доживем до понедельника» Ростозкого и «Репетитор» Полонского, «Чужие письма» Рязанцевой и Авербаха, «Долгие провода» Муратовой, «Вам и не снилось» Щербаковой и Фрэза — это я называю только бесспорные хиты. Главные социальные проблемы ставились в фильмах о подростках: «А если это любовь?», «Тучи над Борском», «Школьный вальс». Дело не только в том, что подростковые литература и кинематография были свободнее «взрослых»: идеологический диктат в детском искусстве не так чувствовался, и тут можно было о многом высказаться всерьез. В детскую литературу сбегали Аксенов, Ефимов, Стругацкие — именно так они умудрялись говорить о главном без малейших скидок на возраст читателя. Но причина и глубже: послесталинский подросток был тем самым новым человеком,

Дмитрий Быков

о котором мечтало первое советское поколение. У него по разным причинам не получилось осуществиться полностью: сначала мешал террор, потом война. Но уж дети и внуки ветеранов, поколение космической утопии, коммунарской педагогики, дети физиков и лириков, последние советские выпускники должны были осуществить вековую мечту о создании нового человека.

СССР — как и Россия — не всегда хорошо производил товары, но всегда отлично формировал среды. Советскими подростками очень много занимались: кружки, секции, классы педагогов-новаторов, детские редакции при молодежных журналах и телепрограммах, лицеи юных вундеркиндов, вроде легендарной колмогоровской школы или новосибирской ФМШ, детские киностудии в каждой республике, детские театры — студийные либо профессиональные, — все воспитывало нового человека, которому предстояло вывести страну из все более очевидного тупика. Очень жаль, что перестройка востребовала совсем иные качества. Но нам, детям семидесятых и восьмидесятых, грех не вспомнить ту фантастически напряженную, много обещающую, невротизирующую, странную атмосферу конца советской эпохи, когда будущее уже сквозило во все щели.

Я отлично помню свой школьный опыт: он был отвратителен, поскольку двойная мораль уже свирепствовала и травля, столь ярко и страшно показанная Железниковым и Быковым в «Чучеле», была уделом всех думающих детей. Однако, помимо этой травли, оказавшейся весьма полезным опытом для постсоветского будущего, советская школа могла предложить много интересного — не зря тут существовал настоящий культ учителя. Допускаю, что кому-то

Попытка реконструкции

в школе было отлично, дружно, весело и т.д. Главное же, как мне кажется, — тогдашние подростки были очень серьезными и взрослыми, интеллектуально они были богаче и самодостаточнее сегодняшних старшеклассников, и, хотя среди них хватало откровенного бандитя, фарцовщиков и юных циников, преобладали в этом поколении люди серьезные и трезвые. Кстати, именно о них был снят «Плюмбум» Абдрашитова и Миндадзе — рубежный фильм эпохи; тогда Плюмбум казался безусловным злом, но время показало, что бывают вещи похуже принципиальности.

Я думаю, тогдашнее поколение — равно как и школьники девяностых — многого о себе недоговорило и не поняло. Нам нужно составить хронику тех лет, потому что, кроме нас, это сделать некому. Трагедию исчезновения СССР лучше всех поняли подростки, потому что их жизнь переломилась. Сборник воспоминаний «Детство 45–53» о послевоенных школьниках, составленный Людмилой Улицкой, стал бестселлером, но коллизии нашего отрочества были ничуть не менее драматичны. Лучший способ разобраться в себе нынешних — это вспомнить себя тогдашних. Мы как раз входим в тот возраст, когда события двадцати-тридцатилетней давности помнятся нам лучше вчерашних.

Лично для меня попытка реконструкции тех времен довольно мучительна, но и мне есть за что благодарить их (времена). Надеюсь, все вместе мы составили книгу, из которой будет понятно, почему наша генерация почти все сдала и все-таки удержалась на краю пропасти.

МОЯ ШКОЛА

Яков Учитель

ГОРДЫЕ ДЕТИ XX СЪЕЗДА

Вырос я в историческом центре Ленинграда. В 1-й класс пошел в 1955 году. Это был второй год, как в СССР ввели совместное обучение мальчиков и девочек, а также второй год, как появилась серая квазигимназическая форма для мальчиков.

Моя школа № 209 помещалась на улице Восстания во внушительном здании бывшего Павловского института благородных девиц. Он, разумеется, меньше знаменит, чем Смольный, но тоже не лыком шит. В классе было больше сорока человек. Квартирный вопрос в послевоенном Ленинграде стоял очень остро, коммуналки были перенаселены, и мест в школах не хватало. Все вторые и третьи классы занимались во вторую смену.

Забегая вперед, скажу, что через десять лет в округе не осталось *ни одного* одноклассника: все разъехались из центра в хрущобы спальных районов, в воделенные отдельные квартиры.

Традиции и нравы в школе были строгие. Например, перед началом занятий на входе стояли дежурные и кроме отлова опоздавших следили за тем, чтобы мальчики непременно снимали шапки. А еще

Школа жизни

перед уроками в просторных коридорах была общая физзарядка. Позже эта традиция отмерла сама собой. После двух лет второй смены в четвертом классе я физзарядки уже не помню.

С каждым годом либерализм набирал силу. Школьные годы точно пришлось на оттепель от рассвета до заката — от раннего постсталинизма до расправы Хрущева с советской интеллигенцией.

Учителя в те годы были в авторитете, как в обществе в целом, так и среди школьников. Кажется, мы их искренне любили.

Исторические события тех лет тесно переплетались со школьной жизнью. Открытие ленинградского метро к 7 ноября 1955 года — первые дни туда пускали только по пригласительным билетам, и побывать смогли не все. Те же из ребят, кому посчастливилось, в начале второй четверти делились у доски своими впечатлениями.

XX съезд пришелся на середину третьей четверти первого класса. В интеллигентской среде десталинизация была встречена одобрительно, и мы, продвинутые первоклассники, заговорщицки это обсуждали вполголоса. На уроках вслух говорилось только о достижениях — прошлых, но в основном о грядущих. Запомнилось, как на вопрос: «Что нас ждет в очередной пятилетке?», — я ответил, что вместо паровозов у нас будут тепловозы. Наверное, пятерку получил. Главное — угадал!

Ныне ушел в прошлое институт второгодников: сейчас боятся травмировать детей и гоняются за липовыми показателями успеваемости. А в этом было немало позитива. Второгодники вносили недостающую долю жизненного опыта, а сами нередко подтягивались в учебе. В 5-м классе появился у нас Юра Николаев, креативный второгодник, переведенный из другой школы. Он быстро научил коллектив ругаться матом и интересоваться сексом (такого слова,

Моя школа

правда, еще не было). То есть, казалось бы, отвязный хулиган из пролетарской семьи. Однако при этом он ходил в очках и играл на рояле — в музыкальной школе учился. Любил играть полузапрещенный джаз и «роки». Запомнилось заводное:

Раньше слушал Баха фуги.
Африка!
А теперь гоняет буту.
Африка!

В 6-м классе завели у нас «Дисциплинарную тетрадь». В нее учителя записывали тех, кто плохо себя вел. За замечания попадало от родителей. Это было неприятно. Кого-то и выпороть могли. И было нами решено принять радикальные меры. Ждали случая.

Шел урок физкультуры в огромном актовом зале. Вдруг в середине урока загремело школьное радио (тогда такое было не везде): «Работают все радиостанции Советского Союза! Человек в космосе!!!» Это было 12 апреля 1961 года. Все завопили «ура!» и еще что-то радостное. Урок прервался. В едином порыве мы побежали на Невский. Я прикрыл учительский стол телом, пока Юра Николаев запикивал «Дисциплинарную тетрадь» в тренировочные штаны. Надо было еще успеть ее порвать и отнести на помойку, прежде чем слиться с ликующими ленинградцами. Всё успели.

Другая более возвышенная история. В 5-м классе мы с другом состояли в так называемом библиотечном активе. То есть подолгу торчали в библиотеке, помогали там и имели свободный доступ к книгам. Дружили с юной библиотекарьшей (младшей; была еще заведующая). То ли ранней осенью 1959 года, то ли поздней весной 60-го гуляли мы с ней и, надеюсь, рассуждали об искусстве. Привела она нас в гости к своей знакомой — пожилой литературной даме во флигель Шереметьевского дворца. Тогда там был Институт Ар-

Школа жизни

ктики и Антарктики. Угостила дама нас чаем с печеньем. Ну, и не вспоминал я об этом лет двадцать пять. А когда вспомнил, то понял, что это была Анна Андреевна Ахматова! И больше в этом не сомневался. Шли годы, и я решил поглубже изучить вопрос. Эх, лучше бы этого не делал: оказалось, что Ахматова съехала из Фонтанного дома в 1952-м... «Какой удар со стороны классика!» Остается надеяться, что это все-таки она приходила в гости к каким-нибудь бывшим соседям.

Но памятник Анне Андреевне в XXI веке перед нашей школой все же поставили.

С классной руководительницей по фамилии Калешева отношения были неважные. Естественно, прозвище у нее было Кала. В 6-м классе я посвятил ей стих, в котором было четырнадцать строк, и назвал его сонетом. Помню первую строфу:

Восстаньте дети от велика и до мала!
Как призрак злой, стоит над нами Кала.
Давно пора сей сбросить произвол
И Калу гнать из всех советских школ!

И заключительное двустишие:

Взовьется ж флаг восстания начала!
Да будет свет, да сгинет Кала!

Рукописный текст был подброшен героине сонета в сумку. Реакции не последовало. Но я чувствовал, что ей известно, кто автор.

Под самый Новый 1961 год одноклассники решили собраться в школе. Просто так, что не было санкционировано взрослыми. Встретились мы в роскошном вестибюле школы. Все было открыто, никаких вахтеров и охранников, хотя был вечер — темно, во всяком случае.

Купили две-три бутылки лимонада и конфет. И тут оказалось, что Юра Николаев принес бутылку вина. Это было первое мое столкновение с коллективной пьянкой (6-й класс). Но далеко не последнее. Сладкое вино «Шато-Икем», как сейчас помню, 0,5. Было нас человек двадцать — двадцать пять, то есть по двадцать граммов на нос. Приложились все, включая девочек, отказавшихся не было. И вот в разгар всеобщего веселья появляется наша классная руководительница. Кто-то стукнул. Не представляю — как? Ведь мобильных телефонов тогда не было. Простые домашние телефоны и то были далеко не у всех. Начинается следствие. Кто-то раскололся, что Николаев вино принес. Тут же был вызван отец Юры — типичный положительный пролетарий. До сих пор не понимаю, как все быстро произошло. Главную улику — пустую бутылку вина — мы уничтожили. И тут я совершил поступок, которым горжусь уже полвека. Я сказал: «Не знаю, вино или что, но вот эта бутылка». И протянул грозным следователям пустую бутылку из-под лимонада. Юрин папаша со знанием дела ее понюхал и заключил: «Действительно, лимонад». Сомнений, что это именно та бутылка, ни у кого не возникло, и инцидент был исчерпан. По прошествии лет я понял, что старшие были не меньше нас, а может, и больше заинтересованы в таком хеппи-энде, и гордость моя не слишком-то обоснована.

С 1962 года ввели в старших классах «производственное обучение», в связи с чем добавили одиннадцатый класс. Школы стали «восьмилетками» и «трехлетками» — с девятыми, десятыми и одиннадцатыми классами. А в некоторых школах остались классы с первого по одиннадцатый. Мы не сомневались, что наша школа, расположенная, безусловно, в лучшем школьном здании Ленинграда, станет полной «одиннадцатилеткой». Но партия распорядилась иначе. Пришлось в пятнадцать лет определять свою